

КОМЕДИЯ А.Н. ОСТРОВСКОГО «БЕШЕНЫЕ ДЕНЬГИ»
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 1880–1890-х ГОДОВ*

В статье рассматриваются и анализируются различные типы купцов, изображенных в консервативной русской беллетристике последней трети XIX века. Автор работы обращается к причинам художественной незавершенности главного героя комедии Островского «Бешеные деньги» (1870 г.), показывает, что Островский создаёт в образе Саввы Геннадьевича Василькова универсальный тип современного буржуа-предпринимателя, соединив в его характере самые противоречивые и, казалось бы, несовместимые черты. Изображая характер Василькова, Островский столкнулся с эстетической трудностью, неизменно возникающей при обращении к художественному освоению текущей, неустановившейся действительности, ещё не получившей завершённых форм. В творчестве русских писателей 1880-х – 1890-х годов (П.Д. Боборыкина, Б.М. Маркевича, В.Г. Авсеенко) черты собирательного типа рассыпались на множество характеров, лишённых того художественного универсализма, который был подвластен русскому национальному драматургу.

Ключевые слова: А.Н. Островский, становление русской буржуазности, художественный тип и характер, размытость и бесформенность образа русского буржуа.

Комедия А.Н. Островского «Бешеные деньги», опубликованная во втором номере «Отечественных записок» за 1870 год и поставленная тогда же на сценах петербургских и московских театров, не имела успеха. В.П. Буренин заявил, что в пьесе этой нет ничего, «кроме благодушного, небрежно “сделанного” переливания из пустого в порожнее». Новая комедия Островского «не ставит и не разрешает какой-либо живой современной вопрос» [16, с. 1].

Недоумение вызвал центральный герой произведения, провинциал Савва Геннадьевич Васильков, появившийся в столице среди фешенебельной дворянской публики, бешено прожигающей остатки своих богатств и обноски былых состояний. Рецензент журнала «Заря» увидел в нём «вместо живого человека» «какую-то загадочную личность, о которой трудно даже сказать, что она такое?» [5, с. 220].

Аналогично высказались не только столичные, но и провинциальные издания. Рецензенту «Новороссийских ведомостей» характер Василькова показался неправдоподобным в силу своей раздвоенности: герой, «с одной стороны, кажется деловым человеком, а с другой – наивен до глупости или глуп до наивности». «Мы бы понимали, если б он хотел жениться на Лидии по расчёту, – но он глупо влюбляется в неё, не зная её, глупо знакомится с нею, глупо женится, глупо расходится с женою и глупую комедию играет с нею, предлагая быть у него экономкою. <...> Как хотите, деловые люди, обладающие миллионами, так не поступают» [13, с. 2].

Рецензент «Одесского вестника» тоже увидел в главном герое пьесы «наименее выраженный характер, плохо удавшийся г. Островскому» [7, с. 11].

Наиболее радикально высказалась о Василькове газета «Новое время»: «Если характер Лидии как нельзя больше показывает нам, что г. Островский утратил решительно всякое чутьё, то, с дру-

гой стороны, личность Василькова окончательно убеждает нас в том, что без ясного руководящего типа, по одним довольно бледным проявлениям, создать что-либо цельное г. Островский едва ли уже в силах. <...> По первоначальному плану Васильков есть человек труда, дела, словом, – работник. Мало этого, Васильков человек умный, таким, по крайней мере, намеревался показать его автор. Но что же вышло? А вышло то, что, в конце концов, Васильков оказался положительным дураком. <...> Видно, что в лице Василькова автор хотел показать нам новую породу людей дела, но только эта порода, к несчастью, вышла у него не лучше той, которую он бичует» [12, с. 1].

Примечательно, что спустя пять лет тональность оценок начинает существенно изменяться. А.М. Скабичевский видит уже в образе Василькова «новый тип капиталиста-дельца, который, без сомнения, впоследствии сделается преобладающим типом тёмного царства». В отличие от «отживающей культуры российской распушенности», он не сорит деньгами, не пытается жить выше своих средств. Но идеальность его относительна: у него всё подчинено наживе, даже во имя страсти он «не выйдет из бюджета». «Любовь, брак и семью он обращает в выгодную спекуляцию, на жену смотрит, как на декорацию или мебель, способную украсить его салон и привлечь нужных людей» [17, с. 199–248]. Критик пробивается в своей статье к заключению, что «размытый силуэт» характера Василькова – не результат художественной слабости комедии, а следствие изображения ещё только зарождающегося в России нового общественного явления, не получившего завершённой формы и чёткого воплощения.

Проходит ещё восемь лет, и оценка характера Василькова становится гораздо более взвешенной и позитивной. М.Н. Ремезов в отклике на возоб-

* Публикация подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ. Проект №13-04-00113.

новлённую постановку «Бешеных денег» в московском Малом театре (1893 г.) называет комедию Островского «перлом многоцветным». В образе Василькова рецензент видит воплощение силы, «надвинувшейся вдруг извне на общество Чебоксаровых, Телятевых и Кучумовых, подчинившей себе Лидию Юрьевну, превращающей эту красавицу в послушное орудие и собирающейся с этим орудием в руках двинуться дальше к верхним ступеням общественной лестницы». Ремезов замечает, что и в Лидии «возникает чувство уважения к победителю, а от веры в человека и уважения к нему один только шаг до любви» [15, с. 263].

В чём же причина художественной незавершённости главного героя комедии Островского? Изображая характер Василькова, Островский столкнулся с эстетической трудностью, которую постоянно испытывал Достоевский, обращавшийся к художественному освоению текущей, неустановившейся действительности, ещё не получившей завершённых форм. В романе «Подросток» он писал: «Работа неблагоприятная и без красивых форм. Да и типы эти, во всяком случае, – ещё дело текущее, а потому и не могут быть художественно законченными. Возможны важные ошибки, возможны преувеличения, недосмотры. Во всяком случае, предстояло бы слишком много угадывать. Но что делать, однако ж, писателю, не желающему писать лишь в одном историческом роде и одержимому тоской по текущему? Угадывать и... ошибаться» [6, с. 455].

По характеристике В.И. Ленина, в России второй половины XIX века «в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века» [9, с. 174]. Русская буржуазия, стремительно взлетев, столь же стремительно сошла у нас с исторической сцены, так и не успев обрести законченных форм. Именно потому и сам драматург оказался, по словам В.Я. Лакшина, «в некоторой растерянности от своего героя. Случай не столь уж редкий в литературе – можно вспомнить тургеневского Базарова, когда автор, наблюдая черты нового жизненного типа, угадав их, художественно запечатлев, ещё колеблется в своём отношении к герою. Наверное, фигура Василькова и вызывала столько споров, недоумений, противоположных трактовок, что трудно было ответить с порога – сочувствует ли ему автор вполне или всё же смотрит на него отстранённо, даже посмеивается над ним?» [14, с. 478–479].

И по мере того, как с развитием русской жизни тип нашего буржуа принимал всё более отчётливо выраженные формы, изменялась в позитивную сторону и оценка главного героя комедии Островского Саввы Геннадьевича Василькова. Но при этом взгляд на Островского как на «обличительного комика, трактовавшего всё ещё по-старому своих купцов» [2, с. 295], по-прежнему оставался неизменным в сознании критиков, зрителей и чита-

телей. На страницах романа «Китай-город» (1882), П.Д. Боборыкин вступает в полемику с Островским и снимает всякий налёт негативизма с лучших представителей купеческого сословия.

Если Островский в комедии «Бешеные деньги» говорит о непримиримом антагонизме между дворянами и купечеством, то Боборыкин в своём романе показывает возможность плодотворного их союза. Культурная девушка из дворян становится невестой молодого буржуа. Вот они посещают Третьяковскую галерею. И оказывается, что предприниматель Рубцов знает русскую живопись лучше дворянки Таши Долгушиной. Он «начал указывать ей на портреты работы старых русских мастеров. И фамилий она таких никогда не слышала. Постояли они потом перед этюдами Иванова. Рубцов много ей рассказывал про этого художника, про его жизнь в Италии, спросил: помнит ли она воспоминания о нём Тургенева? Тася вспомнила и очень этому обрадовалась. Также и про Брюллова говорил он ей, когда они стояли перед его вещами. “Всё он знает, – думала Тася, – даром что купеческий сын; а я круглая невежда – генеральская дочь!”» [3, с.416].

«Я не думала, что вы так широко смотрите на вещи», – говорит она Рубцову и слышит в ответ: «Не обижайте. Ежовый у меня облик. Таким уж воспитался. А внутри у меня другое. Не всё же господам понимать, что такое талант, любить искусство. Вот, смотрите, купеческая коллекция-то... А как составлена! С любовью-с... И писатели русские все собраны. Не одни тут деньги – и любви немало» [3, с.417].

Полемика с Островским продолжается также в романе Боборыкина «Василий Тёркин» (1892). Доминантой в психологии русского предпринимателя, выпущенного на сцену Островским, была деловая и не бескорыстная нотка. Ключевая сентенция Василькова не случайно звучит так: «Я на это денег не пожалею, но из бюджета не выйду. <...> Только бешеные деньги не знают бюджета» [14, с. 245, 248]. Герой Боборыкина не о бюджете думает, «не для “кубышки” работает, а для общенародного дела» [4, с. 375]. «Нет! Не о том мечтает Василий Тёркин, а как раз об охране родных богатств. Если бы судьбе угодно было, чтобы такие уголья, как лесная дача при усадьбе “Заводное”, попали в его руки, – он положил бы на неё всю душу, завёл бы рациональное хозяйство с правильными порубками. Может быть, и совсем бы не рубил десятки лет и сделал бы из этого дремучего бора “заказник”» [4, с. 150].

Василий Тёркин добивается осуществления своей мечты: «Сколько лет утекло с того дня, когда он, впервые, мальчуганом, попал с отцом в “Заводное” и любовался парком барской усадьбы, мечтал, как о сказочном благополучии, обладать такой усадьбой! Барского дома он и тогда не видал, как

следует, но воображал себе, что там, позади парка, роскошные палаты. До боли в висках любовался он усадьбой, и вот судьба привела его сюда же главным воротилой большой компании, скупающей леса у помещиков. Он – душа этого дела. Его идея – оградить от хищничества лесные богатства Волги, держаться строго рациональных приемов хозяйства, учредить “заказники”, заняться в других, уже обезлесенных местах системой правильного лесонасаждения» [4, с. 372–373].

Тёркин приобретает имение вместе с молоденькой хозяйкой его, Сашенькой Черносошной, спасая девушку от неминуемого нравственного падения и гибели: «“Дитятко! – повторил он мужичким звуком. – Дитя малое... неразумное!.. Не разорять я ваше гнездо пришёл, а заново уладить! <...> Вам стоит сказать одно словечко. Вы ведь знаете, я мужичьего рода... По-мужички и спрошу: люб вам, барышня, разночинец Василий Иванов Тёркин... а?” – “Люб!” – звонко откликнулась Саня и неудержимо засмеялась» [4, с. 455].

Боборыкин связывает будущее России не с дворянством, а с новым «культурным слоем» русских предпринимателей – патриотов родной земли. Дворянство изображается у него как вырождающееся сословие, бездумно проматывающее национальное достояние. «Эх, батюшка, все нынче проворовались!» [4, с. 354]. Владелец имения Иван Захарыч Черносошный «учился плохо, в полку был без году неделю, своей видной наружностью не умел воспользоваться, взять богатую и родовитую невесту, женился на дряни, по выборам служил два трёхлетия, и даже Станислава ему на шею не повесили <...> Весь прожился зря – ни себе, ни людям [4, с. 349].

Другой его сосед, богач Низовьев, «имеет до сорока тысяч десятин лесу, по Унже и Волге, в двух губерниях. Каждый год рубит он и сплавляет вниз, к Василию, где съезжаются лесоторговцы, – и всё, что получит, просадит в Париже, где у него роскошные палаты, жена есть и дети, да кроме того и метреску держит. Слух идёт, что какая-то – не то испанка, не то американка – и вытянула у него не одну сотню тысяч не франков, а рублей» [4, с.353].

Иначе изображает то же самое столкновение русского буржуа с дворянским сословием Б.М. Маркевич, одарённый писатель из консервативного лагеря. Друг М.Н. Каткова и крупный чиновник министерского уровня, Маркевич мечтает о возрождении русского дворянства, о важной культурно-исторической миссии, которая ему предстоит. Идея воскрешения дворянского сословия после разорительной для него эпохи Великих реформ набирала силу в семидесятые-восьмидесятые годы XIX века. Р.А. Фадеев, известный историк и публицист, выступил тогда с серией статей, объединённых затем в книгу «Русское общество в настоящем и будущем. (Чем нам быть?)». СПб., 1874». Фадеев

предлагал правительству возродить у нас «культурный слой» дворянской аристократии, как единственную общественную силу, способную служить надёжной опорой для государственной власти.

Боборыкин в романе «Василий Тёркин» устами дворянина Черносошного спорит с этими консервативными идеями: «Ему было себя ужасно жаль. Не он виноват, а проклятое время. Дворяне несут крест... Теперь надумали поднимать сословие... Поздно локти кусать. Нельзя уже остановить всеобщее разорение. Ничего другого и не остаётся, как хапать, производить растраты и подлоги. Только он, простофиля, соблюдал себя и дожил до того, что не может заплатить процентов и рискует потерять две прекрасные вотчины ни за понюшку табаку!» [4, с. 365].

В романе «Бездна» (1882) Маркевич, вслед за Островским и Боборыкиным, показывает брак родовитой дворянки Антонины Дмитриевны Буйносовой с местным купцом Провом Ефремовичем Сусальцевым. Объяснению Сусальцева с невестой Маркевич предпосылает эпиграф из комедии Островского «Свои люди – сочтёмся!»: «Да как же не любить-с, сами изволите рассудить: Алимпиада Самсоновна – барышня, каких в свете нет...» [10]. Между «влюблёнными» возникает в романе Маркевича такой диалог:

«Она полулежала в кресле с закинутыми за затылок руками и глядела на него в упор своими прекрасными *аквамариновыми* глазами. – Знаете что, Пров Ефрем... Нет, – перебила она себя, смеясь, – я никогда не привыкну к этому вашему имени!..

– Мудреное, действительно, – усмехнулся и он, но брови его слегка повело: – на латинском языке значит хороший человек... Такой я и есть, могу сказать по истине, – промолвил он уже совсем весело, – таким и здешний народ меня прозвал, – может, сами слышали: “строг, говорят, а справедлив”...

– А вы бываете и точно “строги?” – спросила она, прищурясь и пристально воззрясь в него опять.

– Случается... С вами никогда не случится! – воскликнул он неожиданно, с сияющим от внезапного прилива счастья лицом.

– Я и не позволю, – медленно и холодно возразила она на это.

Пров Ефремович Сусальцев в свою очередь теперь пристально устремил на неё свои большие карие глаза. “Посмотрел бы я, как бы ты не позволила, кабы мне вздумалось!” – словно сверкнуло на мгновение в этих глазах.

– Вы говорите свободно по-французски? – сочла нужным справиться Антонина.

– Говорю... А по-английски и совсем хорошо, – отвечал Пров Ефремович: – отец покойный три года выдержал меня *на конторе* у мистера Броули и К° в Лондоне... А для чего это вы меня спросили, говорю ли я по-французски? – молвил он через миг.

– Хотела знать...

Не совсем искренняя усмешка пробежала по его губам:

– Боитесь, что б я в обществе держать себя прилично не умел?.. Будьте покойны, прелесть моя: не посраим земли Русской и Богом данной нам аристократки-женушки» [10].

Местные дворяне обсуждают это событие: «Батька его в Вятской губернии лыком торговал, с того богатеть начал, что на 500 вёрст кругом липовые леса ободрал, так что о них теперь и помину в тех местах не осталось. Одну он эту родовую доблесть и завещал сынку. Так этот, знаете, ходит теперь посередь тех ликов мраморных и писаных, да и думает, должно быть, про себя: “те, с коих вас тут сняли, господа были большие, воины знаменитые, кровью своей и делами Россию великою сделали, а вот я, вахлака-кулака сын, в хоромах ихних теперича хозяином состою, потому, значит, пришло наше царство мужицкое, и *мы* теперь на место их потомков сядем”.

– Ну, а супруга его теперешняя что?

– Про неё что говорить! Как рыба в родной стихии, в этой роскоши себя чувствует; большая барыня из неё так светом и светит, хотя по званию и *купецкая жена* она теперь... Покажет она Прову видов, да и отполирует его при этом, пожалуй. Он, полагаю даже так, не без этого расчёта и жениться на ней вздумал, между прочим, потому, говорю, малый по природе далеко не глупый и не без амбиции...

Борис Васильевич не то презрительно, не то печально шевельнул плечом:

– Вы это что же, по *Кит Китычам* Островскаго судите? Но типы Островского в настоящую пору уж пережитой исторический момент. Российский “прогресс” проник и до Китая-города, купеческие дочки зачитываются Дарвином, а маменьки их рассуждают о последнем романе Zola по прочтённому ими фельетону петербургской газеты, а не то даже и по оригиналу. Никто уж в этом мире по Домострою жизни своей не правит, а тем паче *передовики* вроде почтенного Прова Ефремовича, вкушившего власть от прелестей парижских бульваров» [10].

Но, тем не менее, в романе Маркевича не предпримчивый купец, а энергичная дворянка, любительница «бешеных денег», на свой вкус и лад «полирует» неловкого муженька. Именно Антонина Дмитриевна Буйносова-Сусальцева торжествует над «просвещённым» «лапотником», покоряя его своим умом, талантом, хитростью и изворотливостью. Сцене решительного её торжества Маркевич предпосылает эпиграф из комедии Островского «В чужом пиру похмелье», который в контексте романа приобретает иронический смысл:

«*Тит Титыч*. Чтоб я перенёс такую обиду над собой!.. Да что это за времена пришли! Нет, стой!.. Настасья, смеет меня кто обидеть?»

Настасья Панкратьевна. Никто, багюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

Тит Титыч. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу» [11].

В роли Тита Титыча у Маркевича выступает не купец, а столбовая дворянка. Пров Ефремович Сусальцев оказывается обиженной стороной, страдающей от всевластия своей обольстительной супруги.

В консервативной русской беллетристике встречались и такие типы купцов, которые рисовались только чёрными красками. Таков, например, Варвар Потапыч Ломов из романа В.Г. Авсеенко «Млечный путь»: «Он со своими приказчиками, как хищная стая, налетал на уезд, скупал за бесценно разорённые барские имения, рубил лес, разносил усадьбы <...> Половина уезда, от помещика до батрака-крестьянина, в несколько лет оказалась в сетях, раскинутых Ломовым. Система хозяйства у него была самая хищническая. Купив какое-нибудь имение, он тотчас уничтожал в нём всё, что имело характер барской затеи или было рассчитано на отдалённые, умеренные барыши. Заповедные леса и рощи беспощадно вырубались, <...> усадьбы обдирались догола, конские заводы распродавались, мосты и гати рушились за недостатком присмотра и ремонта, дорогие машины ржавели в сараях...» [1, с. 249–250].

Нельзя не отметить в заключение, что именно Островский создал в комедии «Бешеные деньги» универсальный тип современного буржуазного дельца, соединив в его характере самые противоречивые и, казалось бы, несовместимые черты. В Островском-драматурге и здесь сказался эпический художник. В творчестве русских писателей 1880-х – 1890-х годов эти черты собирательного типа, созданного Островским, рассыпались, воплотившись в множестве характеров, уже лишённых того художественного универсализма, который был доступен русскому национальному гению.

Библиографический список

1. *Авсеенко В.Г.* Млечный путь // Русский вестник. – 1876. – № 7.
2. *Боборыкин П.Д.* Воспоминания: в 2 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1965. – 568 с.
3. *Боборыкин П.Д.* Китай-город. Роман в пяти книгах. – М.: Художественная литература, 1957. – 448 с.
4. *Боборыкин П.Д.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М.: Художественная литература. 1993. – 614 с.
5. *Денисюк Н.* Критическая литература о произведениях А.Н. Островского. – Вып. 3. – М., 1906.
6. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 13. – Л.: Наука, 1975–456 с.
7. *Зелинский В.А.* Критические комментарии к сочинениям А.Н. Островского. – Т. 4. – М., 1904.

8. *Лакишин В.Я.* Островский (1868–1871) // Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. – М.: Искусство, 1974. – 560 с.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.: в 55 т. – Т. 20. – М.: Политиздат, 1973. – 420 с.
10. *Маркевич Б.М.* Бездна. Часть первая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/markewich_b_m/text_1880_bezdna1_oldorfo.shtml (дата обращения: 04.11.15).
11. *Маркевич Б.М.* Бездна. Часть третья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/markewich_b_m/text_1880_bezdna3_oldorfo.shtml (дата обращения: 07.11.15).
12. Новое время. – 1870. – № 109. – 22 апреля. – С. 1.
13. Новороссийские ведомости. – 1870. – № 62. – 19 марта.
14. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. – Т. 3. – М.: Искусство, 1974. – 560 с.
15. Русская мысль. – 1893. – № 12. – Современное искусство.
16. Санкт-Петербургские ведомости. – 1870. – № 61. – 3 марта.
17. *Скабичевский А.М.* Особенности русской комедии // Отечественные записки. – 1875. – № 2. – Современное обозрение.

УДК 821.161.1.09"19"

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, доцент
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
nkoptelova@yandex.ru

АНТИТЕЗА «МУЖЕСТВЕННОСТЬ – ЖЕНСТВЕННОСТЬ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО 1890–1910 ГОДОВ

В статье доказываемся, что одной из значимых и устойчивых оппозиций, использованных Мережковским в литературной критике и публицистике 1890–1910 гг., стала антитеза «мужественность – женственность», наполненная индивидуально-авторским содержанием. В работе эта антитеза рассматривается и как универсалия культуры Серебряного века в целом, имеющая разветвленную генеалогию.

В статье показывается, что в литературной критике и публицистике 1890–1910 гг. Мережковского сакрализация «женственного» начала с течением времени усиливается, а категория «мужественности» уходит на периферию. Подчеркивается, что это вполне вписывается в литературный и философский контекст Серебряного века в целом, характеризующийся усиленным вниманием к «женственному» началу.

Прослеживается, как в статье «Пушкин» с помощью антитезы «мужественность – женственность» Мережковский раскрывает художественную полярность Тургенева и Пушкина.

Выявляется близость критических позиций и оценок Мережковского и Розанова, считавших выразителем «женственной» сути русского сознания в литературе именно Тургенева. Выясняется, что тургеневская проза оценивается Мережковским как источник новых софийных прозрений XX века, наследующих и развивающих духовную традицию В. Соловьёва («Л. Толстой и Достоевский», «Тургенев»).

Особое внимание в статье уделяется эссе Мережковского «Поэт вечной женственности», в котором подводится определённый итог развития линий «мужественности – женственности» в русской литературе XIX века. Характеризуется полемика Мережковского с Розановым («Соловьи над кровью») и Бердяевым («Поэт вечной женственности»), вызванная к жизни разным истолкованием этими авторами антитезы «мужественность – женственность».

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, И.С. Тургенев, антитеза, мужественность, женственность, русская литература, литературная критика, публицистика.

Одна из главных особенностей творческого мышления Д.С. Мережковского состояла в том, что мир, человек, культура и религия представлялись ему трагически раздвоенными, поляризованными. «Весь Мережковский – в антитезах христианства и язычества, духа и плоти, неба и земли, общественности и личности, Христа и Антихриста и т. д. и т. д.» [1, с. 333], – пронизательно отмечал Н.А. Бердяев. С Бердяевым был солидарен и В. Чудовский, который даже иронизировал над антитетичностью мышления Мережковского. Он писал: «Известно, что глаз Мережковского всё видит вдвойне, искалеченный игрой “в антитезы”. Интересность явления начинается для Мережковского тогда, когда ему удалось его “раздвоить”; жизнью он почитает одну лишь двойственность» [15, с. 51].

Вполне закономерно, что развитие русской литературы мыслилось критиком-символистом как система разнообразных антитез. Одной из значимых и устойчивых оппозиций, использованных Мережковским и в литературной критике, и в публицистике 1890–1910 годов, стала антитеза «мужественность – женственность». К ней, например, Мережковский обращается в статье «Пушкин» (1896), чтобы раскрыть художественную полярность И.С. Тургенева и А.С. Пушкина. Тургенев, в его оценке, по сравнению с Пушкиным оказывается не только менее европейцем, менее язычником, но и утрачивает пушкинскую «мужественность» мировосприятия. В интерпретации Мережковского Тургенев предстаёт писателем, выражающим «женственное» начало русского духа,